

Переславский китаец

...Ни Минь Каня, или Сяо Ни, а по-русски Виктора Константиновича Николаева всегда отличала жажда знаний и любовь к России. То ли с молоком матери впитал он в себя это чувство, то ли повлияли бабушкины песни у колыбели: «Русский с китайцем — братья навек», но только когда все его сверстники учили английский, он постигал азы «великого и могучего», вынашивая мечту продолжить образование в Советском Союзе. Мечта сбылась. Как всегда, помог его величество случай. В Шанхай на международную научную конференцию приехала профессор Аделаида Васильева. Не познакомиться с известным математиком, одним из основателей метода пограничных функций, студент математического факультета Восточно-Китайского педуниверситета просто не мог. А потому вместе со своим научным руководителем поспешил на встречу с московским учёным. А через год была ещё одна встреча с Аделаидой Борисовной и приглашение на учёбу в Советский Союз, в Ашхабад, в центр прикладной математики, возглавляемый учеником Васильевой, профессором Михаилом Дмитриевым.

И уже осенью 1992 года поезд Пекин—Москва повёз Сяо Ни вместе с соплеменниками-челноками в страну великого северного соседа. Впервые выпорхнув из родного гнезда, молодой математик широко открытыми глазами смотрел на доселе невидимый мир. Езда в незнаемое приносила массу впечатлений. Всё было в диковинку. И всё впитала в себя память. И семичасовую остановку в Маньчжурии для смены колёс. И аплодисменты пассажиров, когда экспресс миновал символические ворота в страну советов.

— Любая остановка — открытие, — рассказывает Виктор. — Первые русские оказались совсем не такими, какими я их представлял. Они почему-то были больше похожи на моих земляков. Вся дорога — сплошные леса и озёра. Красота неописуемая. Мало народа. Бабушки на перроне, торгующие пирожками и солёной рыбой. У нас такое представить даже невозможно. В Китае вокзалы закрытые, и подойти к платформе может лишь пассажир. Красивые дачные домики вдоль Байкала. Что тоже удивительно. Никаких дач у китайца-горожанина просто нет.

Спустя семь суток 22-летний китаец уже стоял на перроне московского вокзала. Его встречали Аделаида Васильева и Михаил Дмитриев. Учёба в Ашхабаде отменялась. Союз трещал по всем швам. И грызть гранит царицы наук Ни Минь Каню предстояло не под знойным небом Туркмении, а под сенью берёз Переславля-Залесского, куда перебрался профессор Дмитриев. И Сяо Ни прямой наводкой, успев обомлеть от красоты столичного метро, отправился в колыбель российского флота. И впервые испытал чувство страха в чужой стране.

— Едем в автобусе. Ночь, темно. Куда меня везут — не знаю. Дорога кажется бесконечной. Наконец Переславль. «Это центр города», — говорит Дмитриев. Я смотрю — и не верю глазам. У нас центр сияет огнями витрин магазинов, музыкой, несущейся из окон кафе и ресторанов. А здесь темнота, кругом ни души, магазины все спрятаны внутрь, лишь успел прочитать надпись над одним из них: «Хлеб».

Родина Александра Невского оглушила жителя 14-миллионного Шанхая тишиной, миниатюрностью и пустотой только что полученной профессорской двушки. Но кровать с панцирной сеткой для Сяо Ни нашлась. Нашлась и банка консервов с салатом из морской капусты. А через день стало ясно, что кулинарные таланты профессора Дмитриева на пол-

ном нуле. Об этом буквально вопила курица, дочерна прожарившаяся в духовке. Не уступал ему в этом умении и иноземный гость из Поднебесной.

Вообще, надо сказать, русская кухня резко расходилась с гастрономическими привязанностями Сяо Ни. Чёрный хлеб казался отвратительным. Любимые солёные огурцы профессора — чем-то из ряда вон выходящим. О дорогих сердцу продуктах из фасоли приходилось только мечтать.

Но терпение — философия китайца. «Я сюда приехал не кушать, а учиться», — сказал сам себе сын великой восточной страны и с головой погрузился в жизнь аспиранта Института программных систем при Российской академии наук. Язык Толстого и Достоевского постигал на ходу.

— Учился у всех. У преподавателей в институте, у детей, у бабушек, сидящих на скамейках. Услышу какое-нибудь незнакомое слово, запишу в записную книжку, потом смотрю по словарю и запоминаю.

В 1996 году Ни Минь Кань защитил кандидатскую диссертацию. Но и поныне не спешит укладывать чемоданы в обратный путь.

— Виктор, домой-то вы всё-таки собираетесь возвращаться? — спрашиваю китайца.

— Конечно. И работу там для себя найду без особых проблем. Русское образование в Китае котируется очень высоко. Но только хочется ещё над докторской диссертацией поработать. И русский язык жалко терять.

Мы разговариваем с Сяо Ни в его маленькой комнатке в общежитии кинофотохимического колледжа. За пять лет, что я не была здесь, в ней почти ничего не изменилось. Впрочем, исчез на дверях красивый плакат с иероглифами, а над столом появился настенный календарь с... (не верю своим глазам) десятью заповедями божьими.

— Уже 33 года, — улыбается мой собеседник. — Пора подумать о вечном. О Боге. Духовную жизнь развивать.

Кажется, не было и решётки на окне.

— Да нет, решётка была почти с самого начала моего появления здесь. Мне её поставили после того, как воры дважды в комнату забирались.

— Что-то ценное украли?

— В принципе, нет. Кассеты взяли, ещё кое-что... — Виктор умолкает, не желая вспоминать о неприятном.

Сегодня Сяо Ни преподаёт в университете, подрабатывает в колледже, занимается репетиторством и пишет научные статьи в российские журналы. По вечерам в спортивном зале колледжа играет в волейбол или теннис. А ещё в день всех влюблённых получает трогательные «валентинки» от своих студенток: «Дорогой Сяо Ни! Вы самый добрый и милый преподаватель. Пусть ваша жизнь здесь не будет одинокой и на своём пути вы не встретите плохих людей. Мы вас любим».

Он давно привык к русской жизни. Уже и хлеб чёрный ест, и борщ варит так, что пальчики оближешь. И даже капусту свою китайскую однажды за окном посадил. Вот только урожай собрать не сумел: в Китай на каникулы уехал. Кстати, пытался там друзей настоящим украинским борщом угостить. Даже свёклу специально привёз. «Не очень хороший получился, — честно признается Сяо Ни. — И картошка в Китае не та, что в России, и сметаны нет».

— А водку пить в России не научились?

— Даже не пробовал. На дух не переношу спиртное. Хотя в свой первый приезд сюда две бутылки водки из Шанхая привёз. Самой лучшей и самой дорогой. Михаил Геннадьевич Дмитриев на свой день рождения разлил её гостям по стопке, они выпили и говорят: «Знаешь, Виктор, ты не обижайся. У вас в Китае это, безусловно, самая лучшая водка. Но у нас в России — самая плохая». Мне было так неудобно. Не знал, куда глаза спрятать от стыда.

Одиннадцать лет живёт Ни Минь Кань в Переславле. Многое его уже перестало удивлять: обилие прекрасного пола под мухой и с сигаретами в зубах, едоки мороженого на зимних улицах, пристрастие народа к чаю с конфетами, печеньем, вареньем и прочими сладостями... В Китае представить себе такое почти невозможно. И почти не удивляется, когда какой-нибудь небритый дядя Миша в половине пятого утра лепечет ему с порога: «Витя, выручи, дай червонец!» И всё чаще ловит себя на мысли, что уже и думать начинает на рус-

ском языке. Но в любом случае родина зовёт. В Китае у него теперь не только родители, две сестры и племянники. В Шанхае его ждёт Сяо Сун. Жена. Заместитель директора отдела кадров шанхайских авиалиний. Комсомольский секретарь. Уже шесть лет связывают их узы брака, из которых они вместе всего лишь два месяца в году. И каждый год Виктор живёт в ожидании встречи с женой. Собирался отправиться в отпуск и в этом году. Но в его планы беспардонно вмешалась атипичка-разлучница.

— У меня сегодня два варианта. Или отправиться в отпуск в Китай, что равносильно остаться там навсегда. Хотя в Шанхае всё спокойно. Там зафиксировано всего два случая заболевания атипичной пневмонией. Или остаться летом в Переславле. Скорее всего я предпочту второй вариант.